

Вера Панюкова

Вера Федоровна Панова

Мальчик и девочка

Кинорассказ

Огромное море заполняет полмира, огромное вечное море. Белые гребни идут, завиваясь, на землю и с грохотом разбиваются о берег.

Глядя на это море, можно сказать: мы в Крыму. И это будет правильно.

Но нельзя не подумать: мы на земном шаре...

— Уезжаю в Крым, — сказал мальчик товарищу. — Отец достал путевку.

Они стояли у открытого окна, а в скромно обставленной комнате танцевали нарядные мальчики и девочки — их сверстники, все они окончили школу только что, на днях.

— Тебя посылают в Крым? — переспросила девочка, танцевавшая с подругой. — Счастливый!

Под окном прошел взвод молодых солдат, военных курсантов, — в этот час у них была вечерняя прогулка, и они шли с песней, печатая шаг.

Мальчики из окна посмотрели на проходящих солдат, и кое-кто из идущих в рядах взглянул в открытое окно, откуда неслась легкая музыка и где мелькали белые девичьи платья, прически, руки... Взглянул и отвернулся, увлеченный песней и строем.

Удалился грохот военной песни и четкого шага.

— В санаторий, — сказал мальчик. — Я просил туристскую путевку, но мама настояла на санатории. Чтобы я отдохнул перед мужской жизнью, как они выражаются.

И докурив, они с товарищем пошли танцевать, разбив девичью пару, и та девочка повторила мальчику:

— Счастливый. В Крыму так красиво. Отдохнешь как следует...

— А я и не устал! — сказал мальчик, как ему и полагалось сказать.

В соседней комнате стояли мать и отец.

Они были еще молодые и никак не могли поверить, что их сын уже вырос, и вот окончил школу, и стоит у окна, и курит, и танцует с девочкой — белым мотыльком.

— Подумай, — сказала мать, — это наш малыш окончил школу!

— Пусть путевка будет твой подарок, — сказал отец, — а я подарю ему электрическую бритву. Если дадут премию, — сказал он озабоченно.

— Что-то с ним будет, — сказала мать. — Школу кончил, а дальше?..

— Успеем решить! — ответил отец. — Пока что пусть выпится да поджарится на солнце хорошенько...

Ехал мальчик в простом вагоне на боковой полке и то смотрел на спутников, то в окно. Спутники как спутники: молодая мамаша с ребеночком, старушка с узлами, флотские ребята из Севастополя и парень с гитарой, который пел всю дорогу песню про любовь.

Закричит ребеночек — мамаша берет его покормить, тогда нужно деликатно отвернуться и смотреть в окно.

Пробегают мимо заводские трубы, бескрайние поля, бессчетные тропки и дороги. От столба к столбу тянутся провода, они разлиновали и пейзажи и облака на небе. Кажется — вниз слетает вагон по проводам, потом взлетает вверх; появляется столб, пробегает за окном, и опять: вниз — вверх столб, вниз — вверх — столб. Как на волнах, летит, качаясь, вагон, везет мальчика к беспечной жизни сроком на двадцать четыре дня.

Поет про любовь парень с гитарой, бодро кричит ребеночек, стучат в домино флотские ребята.

А когда вечер, то над пейзажами за окном повисает молодой месяц, и тогда не видно полей и заводов, не видно бессчетных дорог, только темень внизу да месяц в небе, разлинованном светлыми нитями проводов.

Санаторий мальчику попался очень хороший. В большом парке у моря стоят белые дома в два этажа. Белой каменной балюстрадой парк отделен от пляжа.

По другую сторону парка — горы. Кончается парк — начинаются горы.

Между морем и горами стоит санаторий.

Мальчик приехал ночью; вышел из автобуса и пошел, куда ему сказали, озираясь на все это великолепие, залитое светом месяца. И начался его отдых.

Он просыпался в восемь, когда уже высоко стояло солнце и море пылало слепящим серебряным огнем. Он натягивал брюки, брал мохнатое полотенце, перепрыгивал через балюстраду и бежал к морю.

Утренний пляж почти пуст.купаются вдалеке мальчишки, худые и загорелые, пускают блинчики по сверкающей поверхности моря.

Он бросался в море, нырял и плавал, наслаждаясь. Заплывал далеко, так что берег был еле виден. Зато хорошо становился виден корабль. С корабля купались моряки — дружно, по команде бросались в воду.

Под ним в темном море плыли облака. Если смотреть на них, то кажется, будто не плывешь, а летишь над облаками в небе.

Нанырявшись и наплававшись, мальчик ложился загорать, смотрел в высокое, божественно бескрайнее небо. И в небе, как и в море, плыли облака, и простор-простор был над мальчиком, и он переворачивался со спины на живот, взмахивая руками, как птица крыльями.

Тем временем пляж густо заполнялся людьми.

Великое множество отдыхающих собиралось к морю, покрывало песок, не оставляя ни одного свободного местечка, и пенило воду у берега.

Приходила женщина средних лет в кимоно из китайского шелка с узорами. К ней подсаживались знакомые, расстилали простыню и играли в карты.

Располагались неподалеку от мальчика муж и жена с тремя детьми и с корзиной провизии, из которой семья почти непрерывно ела.

На пляже становилось тесно, и мальчик, последний раз окунувшись, в отличном настроении, прищелкивая пальцами от удовольствия, шел завтракать.

Вежливо поздоровавшись, садился за стол.

— Хорошая вода сегодня, верно? — говорил кто-нибудь за столом, и мальчик отвечал с готовностью:

— Прекрасная вода!

Две тонкие руки ставили перед ним завтрак. Мальчик съедал все до крошки — у него был отличный аппетит.

После завтрака он отправлялся с компанией в горы, где за каждым поворотом открывался новый великолепный вид.

— Какая красота! — ахали женщины.

— Ну правда же, красота? — приставали они к мальчику.

— Здорово! — соглашался он.

И помогал им вскарабкиваться по крутым тропам.

Их вожак, санаторный затейник, показывал на горный ручей и говорил:

— Прошу обратить внимание, это знаменитый водопад, им еще Антон Павлович Чехов любовался, прошу обратить внимание.

И мальчик вместе со всеми обращал внимание, и нисколько ему не мешало, что все время перед ним маячили силуэты других отдыхающих.

И вместе со всеми он фотографировался на фоне гор, лесов и знаменитого водопада, а также рядом со скульптурами, поставленными для оживления местности: белым оленем и пионером-горнистом.

Опять они ехали на экскурсию. Ехали в автобусе. Мальчик сидел на заднем сиденье, и рядом с ним та женщина, что ходила на пляж в китайском халате.

Ее укачало, и голова ее беспомощно болталась у мальчика на плече.

— Надо, товарищи, прибегнуть к хоровому пению, — сказал затейник. Прошу, товарищи.

И он запел. Экскурсанты подхватили кто как умел. Но и хор не помог женщине, которую укачало.

— Ну хорошо, товарищи, — сказал затейник, прерывая пение. — Выйдем на воздух, сфотографируемся, а то отдыхающей плохо.

И все вышли фотографироваться.

Потом мальчик шел со всеми и слушал, как неугомонный затейник говорил:

— Прошу обратить внимание. Царская тропа. Протяженность четыре километра семьсот пятьдесят метров. Любимое место Антона Павловича Чехова. Прошу обратить внимание, товарищи.

После экскурсии мальчик играл в теннис с пожилыми отдыхающими и все время бегал для них за мячами, потому что пожилые люди не могли и не хотели бегать сами.

И опять была кормежка. За столом сосед мальчика стал требовать:

— Я же просил жаркое без лука, мне нельзя лук, уберите лук!

И ему поставили жаркое без лука, а мальчику было немного неловко, что взрослый человек так шумит из-за лука, но другой сосед сказал:

— В нашем положении диета — вещь серьезная. Съешь чего-нибудь не того — и будь здоров...

А вечером было кино на открытом воздухе, с поцелуями героев и громкими — на всю окрестность — голосами, от которых дрожала листва акаций в парке.

Перед сном, в симпатичном обществе взрослых людей, на террасе мальчик участвовал в разговоре. Один отдыхающий говорил:

— В наши дни люди живут долго, поэтому все у них дольше теперь: и детство дольше, и молодость, и зрелость. Прежде в двадцать лет человек считался зрелым...

— Средняя продолжительность жизни была в два раза меньше, — сказал другой отдыхающий.

— Вот именно, — сказал первый. — В двадцать лет считался зрелым, а теперь человеку под сорок, а он все для окружающих Костя или Шурик.

— Лермонтову было двадцать семь, когда он погиб, — сказала почтенная дама, — а он уже был великий поэт.

— Да, — сказал второй отдыхающий. — А теперь поэту под сорок, а он все еще начинающий.

Мальчик сидел на перилах террасы и смотрел на луну. Она очень подросла с тех пор, как он ее видел из вагонного окна.

И опять день, опять море, опять купанье.

Пожилые мужчины лежали на пляже рядом с мальчиком, и один сказал:

— Первые дни было двести двадцать на сто тридцать.

— Кошмар! — сказал другой.

— А сейчас немного снизилось — нижнее сто десять, а верхнее двести.

— Все равно кошмар, — сказал другой. — Вам нельзя было ехать на юг.

Пришла на пляж незнакомка в большой войлочной шляпе.

Мальчик осторожно заглянул под шляпу: незнакомка, стройная и легкая, годилась ему в матери.

— Молодой человек, — окликнула его женщина в китайском халате, будьте добры, принесите

мне зонтик — шестнадцатая комната...

Он побежал, нашел зонтик в шестнадцатой комнате, принес женщине и очень вежливо отдал, а она взяла, едва взглянув на мальчика, потому что, как всегда, играла в карты. Ей тоже, наверно, было за тридцать, она напоминала ему мать, и он был с ней вежлив, как с учительницей, — он был воспитанный мальчик.

Около играющих стоял затейник и смотрел, как играет женщина. Он сказал:

— Приятный молодой человек.

— Да, — сказала женщина.

— Только все время один да один.

— Образуется, — сказала женщина и посмотрела на затейника. И они улыбнулись.

Мальчик не слышал их разговора.

Мимо прошел толстяк с градусником и стал измерять температуру воды в море, не доверяя сведениям, обозначенным на доске у входа на пляж, а жена ему кричала из гущи отдыхающих:

— Костя, тебе нельзя купаться, если меньше двадцати четырех, Костя, ты помнишь, что доктор сказал?

Толстяк наклонился над водой, и жена подошла к нему, чтобы посмотреть на градусник, и они стояли у берега по щиколотку в воде, а мальчик сердито смотрел на них. Потом он отвернулся и лег на спину, — в небе высоко-высоко шли самолеты, оставляя белые полосы. Мальчик следил за ними, потом перевернулся на живот, взмахнув руками, как птица крыльями.

Чего-то ему не хватало. Ему не хватало чего-то для полноты счастья.

Жизнь подсказала ему и показала, чего не хватает.

На пляж пришла и расположилась рядом с мальчиком пара новеньких: громадный мужчина атлетического телосложения, коротко стриженный, уверенный, неторопливый, и его спутница, нежная и молодая.

Они пришли на пляж, держась за руки; потом побежали к морю, держась за руки; а потом мужчина вынес женщину из воды на руках, а она смеялась и неожиданно быстро поцеловала его.

Весь пляж смотрел на эту пару, и мальчик тоже смотрел.

Две женщины за спиной у мальчика сказали:

— Все-таки это безнравственно — целоваться при посторонних.

— Смотреть противно.

Но смотреть было совсем не противно, женщины покривили душой.

Затейник сказал:

— Молодость — это половина счастья, а любовь — это его вторая половина, причем лучшая.

Женщина в китайском халате оторвалась от карт и сказала с улыбкой:

— Это еще вопрос, какая половина лучше.

Эти разговоры мальчик слышал.

Нестерпимо скучно вдруг стало ему.

Он огляделся.

Нестерпимо тесно вдруг показалось на пляже.

Рядом с ним, закрывая от него даль, возвышалась фигура мужчины-гиганта. У ног мужчины на песке сидела женщина. Она сидела, обняв свои колени, нежная и влюбленная.

Мальчик встал и пошел меж человеческих рук, ног, голов, туловищ, набросанных на песке.

Пошел в парк. Женщины попадались ему навстречу Одна прошла, другая, третья, четвертая...

Он всматривался в них вопросительно. Не то чтобы сравнивал и выбирал, нет, все было бессознательно — и поиски, и тревога, что толкала на поиски. Ни одно лицо его не привлекало, к тому же все женщины были старше его, годились ему если не в матери, то в старшие сестры.

Он сел на скамейку. Две тонкие ветки орешины покачивались над его головой, густая сеть теней лежала на дорожке. Между деревьями, в глубине парка, стояла белая скульптура — лыжник, прыгающий с трамплина.

В конце аллеи показалась тоненькая девушка в светлом платье. Мальчик насторожился. Она подходила все ближе, улыбаясь, и он уж подумал, что эта улыбка адресована ему, и оживился... Но оказалось, что не ему улыбается девушка, а своему молодому человеку, который шел ей навстречу и которого мальчик заметил только тогда, когда тот прошел мимо. Молодой человек взял девушку под руку, и они ушли своей дорогой. Оживление мальчика прошло, он разочарованно откинулся на скамейке.

А потом он сидел на перилах террасы и слушал взрослые разговоры.

— Первый раз я влюбился, когда мне было девять лет, — сказал затейник. — Ей было столько же, и, на мое счастье, она не ответила мне взаимностью — я бы не знал, что мне с этой взаимностью делать.

— В девять лет — это редкость, — сказал другой. — Хотя, как говорится, любви все возрасты покорны.

— А вы, молодой человек, уже бывали влюблены? — спросил кто-то у мальчика.

Но за него ответил затейник:

— Молодому человеку о любви разговаривать не полагается, ему полагается стесняться. Конечно, бывал, о чем тут спрашивать.

Мальчик был рад, что не надо отвечать. Он спрыгнул с перил и ушел на свою скамейку в парк, чтобы посидеть в одиночестве. Две тонкие ветки покачивались над его головой, светясь в лунных лучах...

...Две ветки — и две молодые руки, тонкие и точеные.

Не раз они протягивались перед мальчиком, подавая ему еду; но до сих пор он как-то не поинтересовался взглянуть на ту, которой они принадлежали.

— Спасибо, красавица, — сказал кто-то за их столом.

Он поднял глаза и увидел милый профиль, уголок свежего рта и пушистую прядку из-под косынки.

И обрадовался — это было то, чего ему не хватало, то, что он искал.

Почему он не замечал эту девочку, эту подавальщицу? Может быть, потому, что она была одета как все подавальщицы: в серенькое платье, передник и косынку, — неотличимо.

— Здравствуйте! — сказал мальчик. — Это вы!

Она взглянула на него смущенно-вопросительно, но вслух не спросила что это значит.

Наступило время обеда.

Все уже поели и ушли, когда пришел мальчик.

Он сел за пустой столик.

Подошла девочка, принесла первое. Он сказал:

— Здравствуйте!

— Мы уже здоровались, — сказала девочка. — Утром.

— Ну, утро — это было давно! — сказал мальчик.

«Это ты просто так, — спросила она беглым взглядом, — или есть в твоих словах значение?..»

И отошла к соседнему столику, чтобы подать суп другому опоздавшему, а мальчик посматривал на нее, рассеянно мешая ложкой в тарелке. Девочка прилагала все усилия, чтобы не смотреть на него, — лицо ее стало напряженным от этих усилий, но, проходя обратно с пустым подносом, не выдержала — посмотрела. И обрадовалась: смотрит!.. И мальчик обрадовался: посмотрела!..

— Вы заняты с утра до вечера, с утра до вечера, — сказал он, когда она принесла второе. — А погулять когда же?

— Мы работаем посменно, — сказала девочка. — День я, день Таня.

— Теперь я узнал, как вас зовут! — сказал мальчик.

«Как это?..» — спросила она глазами.

— Вас зовут не Таня! — объявил он, и они улыбнулись друг другу.

Раньше он ничего не замечал, кроме платица — такого же, как у всех остальных подавальщиц, кроме передника, и воротничка, и косынки — таких же, как у всех остальных подавальщиц; одинаковые, они сновали по столовой взад и вперед.

Теперь он видел ужасно много, и все больше и больше, открытие за открытием приходило к нему.

Видел ее глаза и ресницы.

И улыбающийся нежный рот, и белые зубы.

И легкую ее походку, и легкие стройные ноги.

Он садился так, чтобы ее рука коснулась его, когда она ставила ему тарелку на стол. Рука касалась, девочка отдергивала руку, обожженная. Он смотрел ей в глаза — душа его уходила в пятки, но он смотрел.

Еще в дверях столовой она опускала глаза, старалась не смотреть на него — знала уже, что он глядит на нее неотступно. Но не удерживалась и украдкой поднимала взгляд — так и есть, глядит, глядит...

Он теперь приходил завтракать, обедать и ужинать позже всех, чтобы одному быть за столиком.

И они разговаривали — мельком и тихо, как заговорщики.

— Сегодня вы работаете — значит, завтра вы свободны? — спрашивал мальчик.

— Свободна, — отвечала девочка.

Ее голос был как тихая музыка.

— Свободны? — переспрашивал он, чтобы еще раз услышать музыку.

— Свободна, — откликнулась та же музыка...

— Может, сходим погуляем? — спросил он, как в воду бросился.

Она отошла, ничего не ответив.

— Может быть, сходим погуляем? — уже настойчивее спрашивал мальчик, когда она появлялась снова.

— Не принято с отдыхающими, — отвечала она, уходя.

Он огорчился, а когда она возвращалась, спрашивал:

— А в кино?

— С отдыхающими тоже не принято, — отвечала она и торопилась убрать посуду.

— Но я же не виноват, что я отдыхающий! — говорил он ей вслед, и она смеялась и чуть-чуть поворачивала голову. Какой поворот!

На пляже, среди взрослых, мальчик скучал — здесь не было таких глаз, как у девочки, таких рук; здесь люди ходили неуклюже, ноги разъезжались в песке; красивая пара перебралась на другое место, их было плохо видно, да мальчик и не смотрел. С пляжа он бежал в столовую бегом, радуясь этой захватывающей игре. Он был весело взвинчен, прищелкивал пальцами и насвистывал песню, которую играл в вагоне тот парень с гитарой.

— Извините, пожалуйста, — говорил он толстяку Косте, нечаянно толкнув его. — Я очень спешу.

— Надо отдыхать, а не спешить, — сердито говорил толстяк.

— После ужина я вас жду! — заявлял мальчик девочке, стараясь говорить как можно решительнее.

А она делала вид, что не слышит.

— Ну, пойдемте, пройдемтесь, никто и не увидит, — уговаривал он, и голос его вдруг менялся — из решительного становился просительным, совсем как у маленького.

— После ужина я еще целый час буду занята, — говорила она. — Даже час с половиной.

...Тот же это ужин или другой? Сколько времени прошло?..

— Я буду ждать хоть два с половиной! — говорил он весело. — Хоть три с половиной! Сколько хотите — и с половиной!

Вот видишь, говорил он ей всем своим видом, какой я веселый, бодрый, как легко тебе будет со мной — одно удовольствие.

Он все больше нравился девочке, она изнемогала — до того нравился, но отвечала:

— Нельзя, у нас это не одобряют.

...Сколько времени прошло?..

— Кто не одобряет? — спрашивал он капризно.

— И начальство, и девочки, — отвечала она.

— Зверское у вас начальство, — говорил мальчик. — И зверские девочки.

Она смотрела на него затуманенным взглядом, но повторяла:

— Нет, нельзя!

Вечерами на террасе отдыхающие вели свои степенные беседы уже без мальчика — он бродил вдоль моря, пускал блинчики и говорил:

— Зверское начальство! Зверские девочки!

А она сидела у себя в общежитии на кровати и примеряла клипсы.

— Таня, а Таня, — говорила она подруге, — не знаешь, какие клипсы сейчас в моде? Перламутровые в моде?

— На московской балерине я видела клипсы, — говорила Таня. Представляешь, две живые ромашки!

— Ну, ромашки — это слишком просто, — сказала девочка.

На другой день в столовой он заметил ее новые клипсы и радовался и был горд — она хотела ему нравиться!

— И ничего не зверское, — сказала она, улыбаясь, видя, что он заметил клипсы.

— Ну что плохого — посидим часок у моря? — спрашивал он. — Или в парке?.. Чего они, собственно, не одобряют, странные люди?

— Просто у нас не принято, — объяснила она. — Отдыхающие должны отдыхать.

— Ну, от чего мне отдыхать? — говорил он. — В такие ночи грех заваливаться спать! Честное слово, грех!

— Нет, нельзя! — говорила она.

Когда она была выходная, подавала за столом ее сменщица Таня, толстуха с короткими руками, и мальчик скучал, плохо ел, не находил себе места ни у моря, ни на теннисной площадке, где отдыхающие играли под наблюдением врача.

— Ну, в чем дело, молодой человек? — спросил его затейник. — Поехали на экскурсию! К Бахчисарайскому фонтану, а?

— Спасибо, — сказал мальчик. — Не хочется.

— Вы что, заболели? — спросил затейник.

— Нет, почему, я здоров, — сказал мальчик.

— Вид невеселый.

— Просто скучновато.

— Это у нас скучновато? — спросил затейник. — Ну что вы! Сплошное веселье. Дым коромыслом. Поехали, а? С ночевкой. Дружным коллективом. Переночуем на турбазе, завтра вернемся.

— Завтра? — переспросил мальчик. — Нет, спасибо, я не поеду!

— По-моему, все образовалось, — тихо сказала женщина в китайском халате, но затейник не расслышал ее слов и сказал:

— Одиночество вредно для здоровья, как установила медицина. Кто сказал, товарищи, «единица ноль, единица вздор»?

— Маяковский! — сказали отдыхающие.

— Правильно! — сказал затейник. — Маяковский и никто другой.

И шумной толпой отдыхающие пошли к автобусу, а впереди шел затейник.

И наконец она сказала:

— Хорошо.

Только что он очень пылко говорил, очень убедительно и вдруг осекся, потому что она сказала, прервав его:

— Хорошо.

Это было утром, и весь день он неистово играл в теннис, и неистово купался, и неистово

извинялся направо и налево, потому что никого не замечал на пляже и на всех натыкался: и на игроков в карты, и на толстяка с градусником, и на чету с корзиной провизии, из которой кто-нибудь все время доставал продовольствие и жевал, — чуть не опрокинул он эту корзину, будь она проклята!

За обедом она повторила, не улыбнувшись, очень серьезно:

— Хорошо.

— После ужина? — спросил мальчик и перевел дух — словно бежал за кем-то и вот догнал, держит за рукав, и больше он не побежит.

— Да.

— Я вас буду ждать в той аллее, где скульптура лыжника, — сказал мальчик, и сказал тоже очень серьезно и внятно.

Он сел на скамейку, над которой протянулись две тонкие ветки, и ждал.

Но тут в аллею набежало множество отдыхающих во главе с затейником. Они начали играть в какую-то игру, гонясь друг за другом и хохоча. Время от времени кто-нибудь кричал мальчику:

— Идите к нам! Чего вы там скучаете в одиночестве!

Ему пришлось встать и уйти с этого места, и он очень беспокоился, что пропустит девочку, — было довольно темно. Но она показалась вдали, и он быстро пошел ей навстречу.

Они шли по ночному парку, густому, как лес. Издали доносились голоса играющих, хохот и хлопанье в ладоши.

Они шли медленно и молча. Он не знал, что сказать.

— Как тихо, — сказал он.

— Да, — сказала она.

— Теплый какой вечер, правда? — спросил он.

— Да... — отозвалась она.

Решился, взял ее за руку.

Она не отняла.

Покрепче сжал ее руку, она ответила пожатием...

Повернулся к ней, посмотрел — она подняла глаза навстречу.

И когда он обнял ее за плечи, она прижалась к нему.

Обнявшись, скрылись они в глубине парка.

...Сколько времени прошло?..

Вот они на берегу моря, залитого лунным светом.

Стеной вздымается море, спокойное, чуть дышащее.

— Какая ты красивая! — говорит мальчик.

Даже когда он любовался ею, он не думал, что она такая красивая.

— Ничего не красивая, самая обыкновенная, — тихо говорит она.

— Нет, — говорит он и берет ее за руку.

— Да, — говорит она, но думают они уже о другом, только повторяют машинально несколько раз:

— Нет.

— Да.

На ней простенькое платье, босоножки, перламутровые клипсы в ушах, волосы подвязаны ленточкой. Или это лунный свет сделал ее такой красивой?

— Золушка, — говорит он медленно.

— Что? — спрашивает она.

— Нет, так, — говорит он.

— Ты такой особенный, — говорит она. — Ты, наверно, знаешь много такого, что я не знаю. Как я тебе понравилась, не пойму.

...Сколько прошло времени?..

Они сидели на камне у берега ночного моря, и волны докатывались почти до самых их ног.

— Ты мне сразу понравился, как только приехал, — сказала девочка.

— Да? — удивился он.

— Сразу, — повторила она, прижимаясь к нему.

И луна светила на них — почти полная, ослепительная, вырисовывающая черные тени на белом песке.

Комната мальчика. Кроме него здесь живут еще трое. Сейчас они крепко спят.

Мальчик тихо входит, он не крадется, он просто идет тихо, чтобы никого не разбудить.

...Девочка уже разделась. Усталая, бросилась она на постель у себя в общежитии.

Рядом спит ее сменщица, толстуха Таня, — комнатка у них на двоих. Таня спит крепко, ее не будит радио, которое у них никогда не выключается.

— Радиопередачи окончены, — говорит радио мощным голосом. — Спокойной ночи, товарищи.

— Спокойной ночи, — говорит девочка, закрывая глаза.

Они шли обнявшись по темной тропинке, по которой прежде мальчик гулял с другими отдыхающими.

Тогда в горах былолюдно и шумно. Сейчас пусто и тихо.

Луна зашла за облако, потемнели очертания гор.

Вдруг раздался лай. Девочка вскрикнула и крепче прижалась к мальчику. Подбежали собаки, обступили их.

— Не бойся, — сказал мальчик, но ему было не по себе.

— Надо стоять спокойно, — сказала девочка, — тогда они не тронут, я знаю.

Казалось, сейчас собаки бросятся, но они только лаяли бешено. Прижавшись друг к другу, мальчик и девочка ждали, чем это кончится.

Из темноты вышел человек и позвал собак.

— Ходят тут, — сказал человек недовольно, — дня им мало, бездельникам...

И мальчик и девочка прошли дальше мимо пасшихся коней, которые вздыхали и фыркали.

— До чего страшные, — сказала девочка. — Злющие.

— Ты знаешь, я тоже испугался, — признался мальчик.

— Ну конечно, — сказала девочка. — Ты же городской.

— У меня была собака, — сказал мальчик, — но она была такая смиренная, маленькая. Китайская порода, видела таких?

— Китайская? — сказала девочка. — Даже не слышала.

— Они похожи на кошку. Мне ее подарили, когда я в школу пошел.

— Сколько ты всего видел! — вздохнула девочка.

Он стал ласкать ее, чтобы отвлечь от пережитого страха и отвлечься самому. Страх сблизил их, она отвечала на его ласки...

Ей не спалось, она сбросила простыню и села на постели.

И мальчик встал у себя в комнате, ему тоже не спится.

Стараясь не шуметь, налил в стакан воды из графина, пьет...

«Ты спишь?» — услышал он голос девочки.

«Ты думаешь обо мне?» — услышала она его голос.

«Ты мне сразу понравился, как только приехал», — сказал ее голос.

«Я дружил, конечно, с девочками, но такого у меня еще никогда не было», — сказал его голос.

Он стоял у окна и смотрел в черную ночь. Светлый огонек плыл мимо не то самолет в небе,

не то пароход в море...

«Ты видишь?» — спросил он.

«Я думаю о тебе», — услышал он ее голос.

Все становилось необычным кругом во время их встреч.

Ручеек, который будто бы любил Антон Павлович Чехов, казался в самом деле водопадом, громадным и светящимся, низвергавшимся по скалам.

Белые руки их лежали в траве — мужская сверху, женская снизу.

Нет, не в траве — в тропическом лесу, среди громадных растений лежали руки гигантов — мужская сверху, женская снизу...

Небольшой камень был как утес фантастической формы.

Тот незаметный мир, что днем окружал их своими пустяками, по которому они ходили в повседневной своей жизни, принял их сейчас и приютил и, приняв, избавился от своей незаметности, дивно вырос — и вместе с ним выросли они.

— Посмотри, — шептала девочка.

И они смотрели, как рядом с ними ползет по земле жук — то ползло по земному шару небывалое чудище, ощупывая все на пути своими чудовищными усами. Проползло чудище мимо горы — плеча человеческого, — скрылось в чаще...

То ли ночь так действовала, то ли еще что — мир вокруг мальчика и девочки был сказочный и небывалый.

— Что это? — спросил мальчик.

Только что было темно — луна зашла за облако, и вдруг феерическим ярким светом до самого горизонта залилось море, и всплески волн стали как всплески ослепительного сияния.

Свет взлетел в небо и вольно носился там, и снова пал на море, и воспламенил его, и вдруг исчез, и вспыхнул опять, еще ослепительней.

— Что это? — повторил мальчик.

— Проектора, — сказала девочка. — Пограничники.

Казалось, это их ищет свет.

— А до нас сюда они не достанут, — сказал мальчик.

Свет погас, и снова в темноте смутно вскипали и пропадали беловатые гребни волн.

— Искупаемся? — предложил мальчик.

Предложил будто небрежно. Но голос его дрогнул.

— Хорошо, — ответила она так же серьезно, как когда-то в столовой...

И он вынес ее из моря на руках — ему очень хотелось это сделать. И она быстро поцеловала его.

Неожиданно им становилось весело, необыкновенно весело: пошепчутся, пошепчутся — и рассмеются.

Скрыла их ночь, не видно их, только слышится их смех.

Рассмеются и испугаются своего смеха.

— Тише, с ума ты сошел, — шепчет девочка.

Где она шепчет?

Велик морской берег, еще больше море, а еще больше небо. Где они шепчутся?

— Ты меня любишь?

— А ты?

Где они шепчутся?

Может быть, за этими скалами, что похожи на обнявшихся людей?

Может быть, за этими деревьями?

Или здесь, в бухте, где поплескивает вода с каждым движением моря?

Или среди волн морских?

Или, может быть, в небе, где облака как горы, и идет у этих гор своя игра, непонятная здесь, внизу?

Велик мир, и повсюду слышится их шепот:

— Я тебя люблю...

— Я тебя тоже...

И смех, неудержимый смех, словно сказали они что-то необыкновенно смешное.

А луна теперь шла на ущерб, становилась все меньше, меньше...

За столом знакомые тонкие руки поставили перед ним тарелку.

Он не удержался, дотронулся до этой точеной, стройной руки. Девочка испуганно огляделась — не видел ли кто. Но все были заняты едой, и никто ничего не заметил.

— Не надо, — шепнула она.

А он улыбнулся счастливо и торжествующе, он чувствовал себя заговорщиком против всех этих стариков и старух, удачливым заговорщиком, а она была его сообщница в этом заговоре. Ему хотелось шалить, он вторично погладил ее руку, на этот раз решительнее. И так везло ему — опять никто ничего не заметил.

Тут раздался крик:

— Товарищи, кто еще не записался на билеты, прошу записываться!

Мальчик и девочка не обратили на этот крик внимания, занятые своим. Но крик повторился ближе:

— Товарищи, кто еще не позаботился об обратном пути, записывайтесь на билеты!

И тут они поняли, и лица у них стали несчастные и растерянные.

За стеклянной дверью столовой, в вестибюле, выстроилась очередь.

Стал в очередь и мальчик. С грустными глазами он стоял между своими знакомыми по пляжу — женщиной, носившей китайский халат, и толстяком, которого жена называла Костей.

— Все мгновенно в этом мире! — бодро сказал толстяк. — Так и жизнь пройдет, как прошли Азорские острова.

— Да, извольте спешить, если не хотите прозевать свое, — сказала женщина.

— Два в Москву, пожалуйста, — сказал гигант атлетического телосложения, доставая бумажник.

— А автобус будет? — спросил один из отдыхающих.

— Будет, будет, — сказал затейник, который работал в санатории еще и эвакуатором. — Следующий, товарищи, следующий!

— Я попрошу у вас обязательно нижнюю полочку, — сказал отдыхающий.

А сквозь стеклянную дверь, разнося котлеты и каши, на мальчика, стоящего в очереди, смотрела девочка, и дрожали ее руки, и путала она кому кашу, кому котлеты, и потихоньку смахивала слезинки.

Ночью у моря он спал, а она смотрела на волны и мечтала.

— Я тебя люблю на всю жизнь, — шептала она.

«На всю жизнь», — как эхо откликался его голос грохотом волн.

— Всегда будем вместе, — шептала она. И его голос повторял послушно:

«Всегда вместе».

Волна притронулась к его ногам, он проснулся, встал, потянулся с силой. Она посмотрела на него, хотела что-то сказать... но не решилась, не сказала.

— Пошли? — сказал он сонным голосом и привычно обнял ее за плечи.

Они пошли прочь от разгулявшегося моря, и волны смыли с песка следы их тел и следы их ног.

Зажав в ладонях фотографическую карточку, завернутую в бумагу, она сказала:

— Я хочу тебе что-то подарить. На память. Только сначала дай обещание. Даешь обещание?

— Какое обещание? — спросил он.

— Что ты на это посмотришь, только когда приедешь домой.

— Почему? — спросил он.

— Ну, обещаю.

— Да почему?

— Ну, какой!.. Обещаю.

— Ну ладно, обещаю, — сказал он снисходительно.

В конце концов ему не так уж было важно, что там в бумажке. Он притянул девочку к себе и поцеловал.

В вечер разлуки она была заплаканная, с распухшими веками.

В тот вечер она спросила, не удержалась:

— Ты приедешь?

Он ответил пылко:

— А как ты думаешь?

Но тут же присмирел и задумался.

Она поняла его задумчивость и отвернулась, сдерживая слезы. Он нежно приласкал ее и сказал:

— При первой возможности приеду. Ты ведь знаешь, что мне хочется приехать. Но не все же по курортам кататься, верно? Надо что-то думать... куда-то устраиваться. Может, и в армию призовут, вполне может быть.

Погодя, она спросила:

— Ты меня любишь?

— Глупышка, — сказал он. — Конечно, люблю, ты не видишь, что ли?

Они до рассвета сидели на укромной скамье, над которой протянулись две тонкие ветви орешины.

— Письма будешь писать? — спросила девочка.

— Ну конечно, буду, — ответил мальчик.

— До востребования пиши. Почта, до востребования.

— Хорошо...

Утром к конторе санатория был подан автобус.

Посадкой руководил затейник, человек опытный и привычный. Он помогал отъезжающим взбираться на высокую подножку и, прощаясь, говорил:

— Передавайте привет Донбассу, счастливого вам пути, успешной работы.

— Спасибо, — отвечал отъезжающий, взбираясь на подножку. — Счастливого оставаться.

— Счастливого пути, передавайте привет Ленинграду, — говорил затейник следующему. И следующий отвечал:

— Спасибо, передам обязательно.

И мальчик помогал старикам и женщинам и подавал им их чемоданы и сумки с персиками. Как самый молодой, он вошел после всех. Ему не хватило места, он осмотрелся и скромно уселся на своем чемодане.

Над его головой переговаривались отъезжающие.

— Груши вы напрасно здесь покупали, — сказала одна. — Груши дешевле после Запорожья.

— Понимаете, я здесь в первый раз, — оправдывалась другая. — Так, впопыхах накупила.

— Да, в таких вещах нужен опыт, — сказала женщина, ходившая в китайском халате. — Впопыхах такие вещи нельзя.

Шофер, дожевывая свой завтрак, полез в кабину автобуса. Затейник поднял руку и затянул песню. Отъезжающие нестройно подхватили. Дверца захлопнулась...

А девочка, разносившая в столовой котлеты и каши, сказала своей начальнице:

— Ой, мне в контору нужно сбегать, велели зайти!

— Вечно вам в рабочее время куда-то нужно, — заворчала диетсестра, но тут же разрешила:

— Ну ладно уж, сбегай, если нужно, только быстренько.

Девочка побежала к конторе со всех ног.

Но автобус уже тронулся — издали она увидела, как открылись перед ним ворота парка и он покатил, выбросив сизое облачко.

И, не добежав, остановилась девочка, глядя автобусу вслед.

И медленно, медленно закрылись высокие решетчатые ворота.

Вагон был купированный.

Едва мальчик бросил чемодан на свою полку, к нему обратился мужчина:

— Молодой человек, вы со мной не поменяетесь, мы с женой оказались в разных купе.

Мальчик сказал:

— Пожалуйста, конечно.

И перешел в соседнее купе, но и там, едва он устроился, другой мужчина, тот гигант, что

приходил на пляж с молодой красивой женщиной, сказал ему:

— Молодой человек, вы не перейдете, тут рядом совершенно такое же место, мы, понимаете, вдвоем, так хотелось бы вместе...

— Пожалуйста, — сказал мальчик и перешел, а его место заняла та самая молодая женщина.

Потом он смотрел в окно, как пробегают мимо заводские трубы, как пробегают бескрайние поля, бессчетные тропки и дорожки. От столба к столбу тянутся провода, разлиновавшие и пейзажи, и небо в облаках: кажется, вниз слетает вагон по проводам, потом взлетает вверх — появляется столб, пробегает за окном. И опять: вниз — вверх — столб, вниз — вверх — столб. Как на волнах, летит, качаясь, вагон, везет мальчика навстречу его мужской жизни.

Слева и справа от мальчика у окон стояли пары, и слышалась мальчику любовная песня, которую двадцать пять дней назад пел парень с гитарой.

А когда наступил вечер, то месяц повис за окнами и не стало видно ни полей, ни дорог, а только темень внизу да лунный свет в небе, разлинованном светлыми нитями проводов.

И звучала, звучала в стуке колес любовная песня. Мальчик слушал ее, стоя с папиросой у окна.

Как вихрь, возник вдруг встречный поезд: грохоча, замелькали его вагоны, понеслись молниеносные отсветы его окон, все было заглушено этим вторжением летящего грохота и блеска... Встречный промчался, опять стал слышен мирный перестук колес, но уже не звучала в нем песня.

— Пора идти спать, — сказал мальчик, туша папиросу.

И запер за собой дверь в купе.

В общежитии служащих санатория сидела в своей комнатке девочка и писала письмо.

Она писала тщательно, задумываясь над каждой фразой.

Закончила, вздохнула и приписала: «Жду ответа, как соловей лета».

Мальчик приехал домой.

Мать разбирала его чемодан, а отец говорил:

— Не зря мы тебя посылали на юг, не зря! Смотри, как загорел, посвежел, возмужал! Ей-богу, возмужал немножко! Смотри, мать, еще пара-другая лет — и будет у нас с тобой помощник! Того гляди женится!

— Самое время, — шутила мать, — усы уже выросли.

— Что-то мне не хочется еще становиться дедушкой, — шутил отец.

Мать посмотрела на мальчика с восхищением.

— Он еще больше стал похож на меня, — сказала она.

— Не возражаю, — сказал отец, — если он будет такой же красавец, как ты.

— Ну, ну, не портить малыша, — сказала мать.

— Я пойду к ребятам, — сказал мальчик некоторое время спустя.

— Сходи, они тебя очень ждут, — сказала мать.

Отец отошел с мальчиком в сторонку и сказал:

— Тебе, наверно, понадобятся деньги. Возьми трешку, малыш.

— Спасибо, — сказал мальчик.

Со своими товарищами он шел по большому городу, они были веселы и оживленно разговаривали.

...Мальчик был со своими товарищами на стадионе. Советская команда играла с иностранной, игра была острая. Мальчик сидел наэлектризованный, поглощенный зрелищем.

После матча громадная толпа текла со стадиона. В толпе двигался и мальчик. Выражение его лица было счастливое, задорное, потому что выиграла наша команда.

Он пришел домой и на столике в передней увидел письмо. Схватил его, быстро прошел к себе, стал читать. «Жду ответа, как соловей лета», прочел он, ему стало неловко. Он вспомнил, достал фотографию, завернутую в бумагу, развернул. На фотографии были две девичьи головки, старательно причесанные, две пары глаз смотрели в одну точку. Оба лица были невыразительны, ненатуральны. Одно из них принадлежало его девочке, но это было не то лицо, которое ему так нравилось. На обороте было написано:

Когда в жизни что случится,

Тогда вспомнишь ты меня

И вспомнишь, что в мире есть сердце.

Которое любит тебя.

Мальчик задумчиво положил фотографию в ящик стола.

Девочка зашла на почту, где было полно отдыхающих, и, стесняясь, спросила в окошечко:

— Надя, посмотри, мне есть?

Надя была та самая подруга, с которой девочка вместе фотографировалась. В жизни лицо у нее было не деревянное, а живое и смышленное.

Она взяла пачку писем на букву «О», перебрала и сказала:

— Пишет.

Девочка отошла.

Мальчик действительно писал письмо.

Но что он мог написать?

«Из нашего класса двое поступают в институт», — написал он и представил себе свой класс, и зачеркнул написанное. Что ей до его класса?

«Кто сидит на моем месте за столом?» — написал он и представил себе этот стол, и место за столом, и на этом месте кого-то безликого, и протянутые перед ним стройные руки девочки — нахмурился и зачеркнул.

С пером в руке он сидел и думал мучительно — что написать?..

И девочка писала.

«Напиши, — писала она, — понравилась тебе моя карточка или же нет».

Мальчик получил и это письмо, и снова он сидел и пытался ответить.

«Твоя карточка мне очень понравилась».

Но, написав это, положил перо и достал фотографию... Нет, не нравилась ему фотография, не видел он на ней той красавицы, что стояла на морском берегу, залитая светом луны.

И лица той красавицы он уже не мог вспомнить. Безликая стояла она перед ним, или же на месте настоящего ее лица виделось мальчику ненастоящее, напряженное — с фотографии.

И свет луны ему виделся не таким уж ярким, словно сквозь туман...

Он разорвал свое неоконченное письмо на мелкие кусочки и бросил в корзину.

— Я пройду, — сказал он матери и вышел из дому.

На улице он повстречал двух бывших своих одноклассниц.

— Как ты загорел! — сказала та, что когда-то говорила: «Тебя посылают в Крым, счастливый!»

— Поздравь, — сказала другая, — последний экзамен с плеч долой! Теперь уже скоро объявят, кто прошел по конкурсу, кто нет.

Два лица смотрели на мальчика — оживленные, сияющие.

— Поздравляю! — сказал мальчик.

И они ушли по улице, разговаривая о своих делах. Московская летняя улица — дома в лесах, зной, грохот, движение...

— А ребята что говорят? — спросил отец.

Они сидели за семейным ужином втроем, родители и их мальчик. Комната была чистая, с книжной полкой, с репродукцией Пикассо на стене.

— Одни завидуют, — ответил мальчик весело, — те, что хотели и не прошли. Другие рады, что их забраковали. А в общем-то все одобряют — что же тут возразишь, дело стоящее.

— Если б еще на прежних самолетах, — сказала мать, — а то десять тысяч метров и даже

больше, представить себе только.

— Мама, десять тысяч метров — это пустяковая высота! — сказал мальчик.

— Ну да, пустяковая, много ты понимаешь, — сказала мать.

— Я вот о чем думаю, — сказал мальчик, — техника там все же трудная.

— Ничего, — сказал отец, — все в жизни трудно, справишься, малыш.

— Ну ясно справлюсь, — сказал мальчик, — только не сразу, конечно.

— Надя, посмотри, мне есть? — спросила девочка в окошечко.

На почте было пустовато, лето кончилось.

Надя терпеливо перебрала пачку писем на букву «О» и сказала:

— Пишет.

— Все пишет, — вздохнув, сказала девочка. — Пишет, никак дописать не может.

— Все они такие, — сказала Надя.

— Напишу еще раз все-таки, — сказала девочка. — Последний.

— Попробуй, — сказала Надя. — Только не стоят они того, уверяю тебя, не стоят.

Мальчик зашел в магазин подарков.

Переливались, играли бусы всех сортов и размеров; маршировали флаконы с духами; перевязанные лентами, лежали аккуратные, как пакеты с младенцами, подарочные наборы; шли табуны слонов; лежали поделки из кости, малахита, янтаря.

— Скажите, пожалуйста, — спросил мальчик у пожилой продавщицы, — сколько стоят вот эти клипсы?

— Цена написана, посмотрите сами, — ответила продавщица.

Мальчик посмотрел сам, отошел...

Был осенний вечер. Фонари расплывались в тумане.

Мальчик стоял с приятелем.

— Зайдем, выпьем пива? — предложил приятель.

Мальчик достал из кармана горсть монет, посмотрел на них и сказал с горечью:

— Зайдем, на пиво хватит...

Девочка шла к Наде.

Стоял ноябрь. В парке на голых акациях связками висели большие черные стручки. Ветер перебирал их, они шуршали и позванивали высохшими семечками.

Длинные мутные волны, завиваясь и пенясь, заливали берег до самой балюстрады. Тучи сползали по горам лохмотьями черного дыма.

Надя жила в маленьком домике на горе.

Девочка сидела на Надиной кровати и беззвучно плакала, утирая слезы уголком головного платка.

— Что теперь делать? — шептала она.

— Раньше думать надо было, — сказала Надя угрюмо.

— Все узнают, — шептала девочка. — Все будут говорить...

— Вовремя надо было спохватиться, — сказала Надя. — Теперь хоть плачь, хоть криком кричи на весь свет — ничего не поможет.

Еще она сказала:

— Надо же.

И еще:

— Так уж он тебе понравился?

— Понравился, — всхлипнула девочка.

— И неужели ты ему не напишешь? — спросила Надя. — Как же так?!

Но тут девочка поднялась и стала такая гордая, горько-замкнутая.

— А что это поможет? — сказала она. — Только стыда больше. Когда он ни словечка даже не написал, исчез и все... Ладно, пусть так: он — сам, я — сама...

Длинные мутные волны заливали берег до самой балюстрады. Тучи ползли по горам лохмотьями черного дыма.

Мглистый, промозглый спускался вечер.

Ударил утренний мороз, и враз свалились с орешины ее красивые крупные листья, все до единого, легли кругом на землю и на ту скамью. И выступил, точно выбежал, гипсовый лыжник, прыгающий с трамплина.

Перед стеклянной дверью в пустую столовую диетсестра в белом халате стояла среди персонала и ответственным голосом спрашивала:

— А ты когда пойдешь в отпуск?

— Я пойду, пожалуй, в декабре, — ответила толстуха Таня, соседка девочки по общежитию.

— Можно в декабре, а можно и в январе, так что выбирай, — сказала диетсестра.

— В декабре мне лучше, — сказала Таня.

— А мне надо в апреле, — сказала девочка.

— В апреле нельзя, — сказала диетсестра. — Можно в декабре и можно в январе.

— Мне в апреле надо, — сказала девочка. — У меня в деревне тетя, она мне все равно что мать.

— Она ее воспитала, когда родители умерли, — сказала Таня.

— При чем тут тетя, — сказала диетсестра. — Объясните толком.

— Тетя строит дом, — сказала девочка. — И просит приехать вот именно в апреле. Помочь. Она письмо прислала. — И девочка показала письмо.

Диетсестра взяла письмо, персонал тоже стал читать, заглядывая через плечо.

«Приезжай, помоги, без тебя как без рук», — было написано в письме.

Девочка стояла такая смирененькая и смотрела пристально на читающих.

«Жду ответа, как соловей лета», — дочитала диетсестра и сказала с досадой:

— Вот непременно им надо тогда, когда нельзя! — Но тут же смягчилась: — Ну ладно уж, иди в апреле в виде исключения, раз она тебя воспитала.

И девочка вздохнула с облегчением и сказала:

— Спасибо!

— Обошлось, — сказала она Наде. — Разрешили отпуск в апреле.

— А дальше-то как? — спросила Надя.

— Писем больше не потребуется, — сказала девочка. — За это спасибо, а больше не потребуется. Время подойдет, просто уеду отсюда.

— Вот отчаянная стала, кто б мог подумать! — сказала Надя. — Какая была тихая и какая стала отчаянная.

— Ты мне свой паспорт дашь, как поеду, — сказала девочка.

— Только бы тут не узнали до апреля, — сказала Надя.

— Не узнают, — сказала девочка.

Она сидела в своем общежитии: двухэтажный опрятный дом на краю парка, дальше за ним хозяйственные постройки — кладовые, прачечная, гараж.

Жила она по-прежнему в комнате с Таней. У Тани над энергичным, подковкой, с опущенными углами рта росли суровые темные усики. Росту маленького была, а плечи могучие. Глядела Таня хмуро, зря болтать не любила, в свободное время вышивала на пяльцах.

Вот и сейчас сидела она напротив девочки и вышивала, а девочка говорила ей:

— Будем жить в своем домике. И рядом лес. И речка. И море. Такое теплое, как тут. И все

будет у нас как нельзя наилучшее.

— Пустяки говоришь, — отвечала Таня недовольным баском. — Где ты видела, чтоб и море, и лес, и речка, скажи, пожалуйста? Еще и домик! Домик-то откуда возьмешь?

— А мы тот дом, что тетя строит, обменяем на эти места. И заживем с моим мужем тут, — поддразнивала девочка.

— Откуда это у тебя уже и муж появился? — удивлялась Таня, а девочка говорила:

— Не может же такого быть, чтоб мужа не было. Будет и муж в свою очередь...

Зимой по вечерам девушки в общежитии собирались вместе и пели песни под Таниным руководством, хорошо пели, красиво.

У толстушки Тани лицо становилось вдохновенным, она поднимала глаза к потолку и пела, словно молилась:

Подмоско-овные вечера...

Приходила к девушкам диетсестра в неизменном белом халате, говорила удовлетворенно:

— Вот какая у нас самодеятельность — на фестиваль послать не стыдно.

— А что, — говорила Таня, — вот если б у Кати пьяно получилось, какое требуется, то можно бы и на фестиваль.

И девочка пела с ними, но пела без удовольствия, и не интересно было ей, получится или не получится пиано у Кати. Поет веселое, а глаза безрадостные. Поет и вдруг смолкнет, задумавшись о своем.

Очнется и оглядится подозрительно: не заметил ли кто ее задумчивости.

Всех людей вокруг она подозревала, все ей казались соглядатаями, недоброжелателями.

— Ты чего, голова болит? — спросит Таня. Девочка вспыхнет, как спичка:

— Ничего у меня не болит! Почему это она заболит!

Диетсестра еще разок заглянула в комнату, чтобы послушать пение, девочка смотрит на нее с ненавистью.

— Так и ходит, так и смотрит! — ожесточенно рассказывает она потом почтарке Наде. — Так за каждым моим шагом и следит!

Хотя диетсестра на нее обращает внимания не больше, чем на других.

Пришел апрель. Тюльпаны цвели в горах и в парке, под окнами общежития. Окна уже открывали настежь.

Девочка собиралась в отпуск.

— Общественный чемодан у Кати, — сказала Таня. — Она последняя брала.

Катя принесла чемодан. Девочка укладывала в него свои вещи — лифчики, платица, поставив чемодан на стол, повыше.

— На стул поставь, — сказала Таня. — Нехорошо чемодан на столе.

— Тебе нехорошо, а мне хорошо, — резко сказала девочка, и Таня удивилась — чего это она так?..

По аллее подъехало такси, из него вышли отдыхающие, их встречал затейник-эвакуатор.

— Добро пожаловать, — говорил он. — Откуда? Из Магнитогорска? Как там у вас в Магнитогорске?

— Здравствуйте, здравствуйте, старая знакомая! — обрадовался он женщине, которая в прошлом сезоне щеголяла на пляже в китайском халате. Опять, значит, к нам?

— Как видите, — сказала женщина. — Я очень люблю юг весной, весной он особенно романтичный.

Шофер такси стоял на аллее и смотрел, как выгружаются его пассажиры, когда появилась девочка с общественным чемоданом в руке.

Шофер посмотрел на девочку и спросил:

— В город?

— Да, — сказала девочка.

Он посмотрел на нее еще раз, внимательно, взял у нее чемодан, положил в багажник и сказал:

— Садись, поехали.

— Хорошо, — сказала девочка. — Только как же...

— Все понимаю и вижу, — сказал шофер. — Не беспокойся, так свезу, за улыбку.

— Законы нарушаешь? — спросил затейник. — Газеты не читаешь?

— Нарушаю, точно, — сказал шофер. — А газеты читаю.

Девочка попрощалась со всеми и с диетсестрой, которая тоже вышла на аллею.

— Смотри, возвращайся вовремя, — сказала диетсестра. — Сама знаешь, сколько теперь работы, теперь поедут!

И она неодобрительно посмотрела на приехавшую женщину, которая легко и беззаботно удалялась по аллее.

Машина тронулась.

Отцвели тюльпаны.

— Изволь радоваться, третью неделю без смены работаю, — сказала Таня.

Катя посмотрела на вторую постель в Таниной комнате и сказала:

— Что ж это она?

— Еще в субботу ждали, — сказала Таня сердито. — В субботу ей срок был.

— Может, заболела? — спросила Катя.

— Так напиши! — сказала Таня. — Разве ж так делают? Напиши, если ты заболела!

... - Ни дисциплины, ни совести нет у людей, — сказала диетсестра. — Под Первое мая и такое себе позволять. Телеграмму пошлем, давайте адрес.

— А у кого адрес? — спросила Таня. — У тебя есть адрес? — спросила она Катю.

— Нет, — ответила Катя. — Мне она не оставляла.

— И мне не оставляла, — сказала Таня.

— Как же так, — сказала диетсестра, — а в конторе сказала, что ее адрес у вас есть, там тоже не записали... Обманула, выходит?

— Ну почему обманула, — сказала Катя. — Хотела нам оставить, наверно, да забыла.

— Дом достраивают, — решила Таня, — не пускает ее тетка. Только так, больше ничего не может быть.

А девочка была в сотне километров от санатория в областном центре, в родильном доме.

Первомайские флаги развевались на улицах областного центра, день был ослепительно яркий, ликующий, когда раздался крик новорожденного и голос врача сказал:

— Мальчик.

И праздничная музыка, гремевшая за окном, замерла, стихла.

В белой палате, на белой постели лежала девочка, тихая после мучений.

— Мамаша, мамаша, сыночку кушать время! — сказал бедовый женский голос.

Санитарка, пожилая женщина, положила около девочки белый пакетик и смотрела на него.

— Вы подумайте! — сказала она. — Ишь, образованный! И кто его учил?

На лице у девочки робкая мелькнула улыбка. Боязливо, и виновато, и в то же время с невольной нежностью смотрела она на сына.

...Она окрепла и уже, кормя, сидела на постели и держала ребенка ловко, как опытная мать.

Санитарка говорила ей:

— Не горюй, пристроим парня. Такого отличного парня кто хочешь возьмет. Многим желательно иметь ребенка, да не у всех получается.

— А ей вот нежелательно было, да получилось, — сказала соседка.

— Вы, мамаша, на девочку не нападайте, — сказала санитарка. — В жизни, да у неопытных всякое может быть. Я здесь много чего повидала и постигла, что и не расскажешь.

— Разве я нападаю, — сказала соседка. — Ошибка молодости, разве я не понимаю.

— Сама ты ошибка, — прошептала девочка, рассматривая крохотное личико, прижатое к ее груди. Но громко ничего не сказала, не хотела ссориться.

Крохотный носик сопел, лобик морщился. С силой, странной в таком малюсеньком существе, втягивал ребенок молоко и громко глотал. Он должен был жить, должен был расти и вырасти большим, и, чтобы это осуществилось, он насыщался яростно, весь поглощенный своим занятием.

И девочка, его мать, смотрела на него, приоткрыв в изумлении бледные губки.

В комнатке за кухней сидел милиционер и рассказывал:

— Запросили мы, значит, сельсовет по месту прежнего ее жительства. Они, конечно, поставили в известность тетку. От тетки поступили сведения, что племянница к ней не приезжала. И что никакого, значит, дома тетка не строила и не строит, поскольку жила и живет в старой своей хате, хотя действительно крыша нуждается в ремонте, но колхоз обещает починить, и так далее тому подобные подробности о своем быте. Но, конечно, тетка впала в панику — опасается, что с племянницей мог произойти несчастный случай, и вообще жива ли.

Официантки и судомойки слушали волнуясь. Слушал и повар в белом колпаке.

— Необходимо разыскать во что бы то ни стало! — сказала диетсестра.

— Разыщем, — сказал милиционер. — Это непорядок, чтобы наш советский человек пропал, и вообще без адреса.

Девочка брала с тумбочки свое копеечное зеркальце, смотрелась и дивилась на себя.

Прежде было ее лицо — ну, пустое, ничего не выражало серьезного. Вот так:

«Не принято с отдыхающими».

«А в кино?» — спросил голос мальчика.

«С отдыхающими тоже не принято», — сказала ее прежнее лицо...

А сейчас были в ее лице тишина, и раздумье, и достоинство, и озаренность, — она бы не могла назвать все это, но видела, что оно есть.

— Глупый ты мальчишка, — сказала она. — Ничего ты не понимаешь, хоть и окончил десятилетку. Спрятался, не пишешь... А еще мужчиной считаешь себя. Мальчишка, трусишка...

— А о чем вы с ним разговаривали? — спросила соседка.

— С кем? — спросила девочка.

— С отцом его, сына вашего, — пояснила соседка, — когда у вас любовь была.

— Да так, о всяком разном, — ответила девочка.

— Ну, а например?

— Ну, например, про кино разговаривали, — сказала девочка. — Кто какие видел фильмы. И отвернулась к стене и сделала вид, будто дремлет.

На аэродроме с ревом взлетел самолет.

Трудно было узнать мальчика в форме здесь, среди других солдат.

Перед мальчиком стоял офицер, уже немолодой, он разговаривал спокойно, но неумолимо:

— От укладки парашюта зависит ваша жизнь. А это что? Вы уже не мальчишка, товарищ солдат, здесь нет папы и мамы, которые вам помогут, которые переделают то, что вы понаделали. — Он отошел, сказал сопровождавшему его младшему офицеру: — Привыкают делать кое-как, спустя рукава. Ответственности нет.

— Перекурить! — скомандовали солдатам.

— При чем тут мама и папа? — обиженно спросил мальчик у товарища. — Я все сам могу сделать, не маленький уже!

— Что ж ты не сделал? — спросил товарищ.

— Ну, поспешил немного, не подумал, это же учебное все. Надо будет сделаем. При чем тут мамы и папы?

И губы у него дрожали по-детски от обиды.

В том городе, областном центре, где лежала в родильном доме девочка, жил на окраине отставной полковник с женой.

Находились они в саду среди отцветших яблонь, когда у забора остановилась санитарка из родильного дома, та, что была при девочке.

— Здравствуйте! — сказала санитарка. — Я к вам по известному вам делу.

Отставной полковник с женой пригласили ее в дом:

— Заходите, пожалуйста.

— Имеется мальчик, — сказала санитарка. — Просто первый сорт что за мальчик. Мать желала бы его отдать хорошим людям, а поскольку вы желание такое изъявляли, то вот.

Полковник заволновался так, что даже встал и заходил по комнате, а его жена сказала:

— Вы мамаше передайте, пусть не беспокоится, воспитаем как следует, будем любить и жалеть, как своего когда-то любили, все у мальчика будет, как было бы у нашего, если б не война... А когда умрем, то домик наш с садом ему останется, пусть живет.

— И машина «Москвич-четырееста семь», — сказал полковник.

— И машина, и все наше имущество, — сказала жена полковника. — Только хочется нам, чтоб вырос на наших руках и считал нас родными отцом и матерью.

— Тогда я так и скажу в роддоме, — сказала санитарка, — что все устроилось.

— Подождите, — сказала жена полковника.

И стала собирать передачу для девочки.

Дрожащими руками она собирала передачу, и лицо ее выражало тревогу и надежду.

— Это пока передайте, — сказала она, — а муж сейчас сходит, купит что надо, я принесу.

— Вот она обрадуется, — сказала санитарка, — ведь никого-то у нее нет, сирота круглая.

И вышла, довольная.

Весенний берег моря, купающихся мало, а загорающих уже много.

Мелькают знакомые по прошлому году лица: семейство с корзиной продовольствия, толстяк Костя с градусником, картежники...

Нет среди картежников женщины в китайском халате.

— А где же наша председательница, — спрашивает один из играющих в карты мужчин, внимательно сдаявая, — куда она делась?

— Вчера плохо ей что-то стало, лежит у себя, врачи беспокоятся, ответил другой.

— Что это она так вдруг, — сказал третий.

...Машина скорой помощи возле одного из белых домов санатория, расстроенная Катя бежит, помогая, вверх и вниз по лестнице, у входа в дом стоит затейник-эвакуатор с несколькими отдыхающими, беседуют тихо, пока происходит необходимая процедура.

— Третий раз к нам приехала, — рассказывает затейник, словно оправдываясь, — никто не думал не гадал... Внезапное обострение процесса, и пожалуйста, в два дня...

— Главное, молодая еще совсем, — сказал один из отдыхающих.

— Еще и сорока не было, — сказал затейник. — В шелках ходила, походка такая легкая была. Некоторые думали — болтается по курортам, чтобы флиртовать да в преферанс резаться, а поди ж ты...

— Не повезло, да, — сказал другой отдыхающий.

Подошел милиционер, со строгим выражением наблюдает печальную процедуру. Подошли другие служащие и отдыхающие, стоят молча... Захлопнулась дверца, машина с санитарными крестами тронулась.

— Отыскалась пропащая душа, — сказал милиционер диетсестре.

— Что вы говорите! — встрепенулась диетсестра. — Где же она?

Машина скрылась за поворотом аллеи.

— Пройдемте отсюда куда-нибудь, расскажу, — сказал милиционер. Жива, здорова...

Она была жива и здорова, сидела на больничной кровати, погруженная в глубокую думу.

На столике возле кровати стояла разная еда, коробка конфет, апельсины горой на тарелке, а девочка ни к чему не притрагивалась, сидела и думала.

— Подумайте, как они вас балуют, — говорила женщина на соседней койке, — чего-чего только не принесли, очень заботливые. Сразу видно, что сыночку вашему будет у них хорошо.

И она уговаривала девочку:

— Вы кушайте! Ребенку полезно, чтоб вы кушали!

А девочка ничего не отвечала и не притрагивалась ни к чему.

Полковник стоял с женой во дворе, а санитарка с ребенком на руках подошла к открытому окну.

Они посмотрели на ребенка и умилились — какой славный.

Жена полковника даже заплакала, отвернувшись, а полковник ее утешал:

— Ну будет, будет.

— Вспомнила свое, — сказала жена полковника. — А поддержать его нельзя? Немножко.

— Не полагается, — сказала санитарка. — Пока он тут — не полагается, уж вы нас извините.

— Конечно, конечно, — торопливо согласилась жена полковника. — А когда же ей разрешат выписаться?

— Пусть покормит, спешить не надо, — сказала санитарка. — Пусть при матери побудет ребенок, пока до рожка-то, оно лучше.

— А она не передумает? — спросил полковник.

— Ну, чего ради она передумает, — сказала санитарка. — Где она еще для него такое счастье найдет.

— Для того ее, возможно, и не выписывают, чтобы дать ей время подумать, — грустно сказала жена полковника.

— Нечего тут думать! — стояла на своем санитарка. — А насчет выписки, так ее на днях все равно выпишут, недолго теперь вам ждать.

— Что она ни решит, на все ее полная воля, — сказал полковник. Осуждать ее не придется ни в каком случае. И с выпиской спешить не нужно, это ведь дело такое, особенное.

— Ехать, конечно, надо Тане, — сказала диетсестра. — И притом одной, потому что это дело такое, особенное, да и работы у нас много, каждый человек на учете.

— Ты ей все скажи, — сказала Катя Тане.

Они увязывали большущий сверток.

Надя-почтарка плакала тут же.

— И зачем я, дура, паспорт свой дала, — говорила она. — Все равно все раскрылось, а только лишние неприятности.

— Ничего нет тайного, что не стало бы явным, — сказал затейник. — Через скрытность и дурость неприятности и происходят. Ну, я пошел, отдыхающие желают к Бахчисарайскому фонтану ехать просвещаться. Мне этот фонтан уже вот тут сидит, — показал он на горло.

— Ты ей, главное, скажи, что тебя коллектив послал, весь коллектив, — объясняла Тане диетсестра. — Про коллектив не забудь сказать, это ей сразу поднимет настроение.

— Скорей, — сказала Катя. — Сейчас машина пойдет.

Они вышли к кухне, около которой стоял грузовик.

— Сверток в кузов давай, — сказал шофер.

— Ну да, в кузов, — сказала Таня. — Ты там картошку возишь...

Она уселась в кабину рядом с шофером и взяла сверток к себе на колени.

Девочка кормила сына своим материнским молоком и обливалась слезами.

Еще никогда в жизни у нее не было такого страдания, как то, что предстояло.

— Бог ему счастье посылает, — говорила санитарка. — У тебя что есть? Ничего у тебя нет. А здесь у людей дом — полная чаша, сад, машина собственная. И все ему останется. А тебе он как гиря на ногах.

А девочка плакала, плакала. Не утешало ее нисколько, что у сына будет дом с садом. Санитарка ушла, рассердясь, и тогда еле слышно, шепотом стала девочка разговаривать с сыном.

— Как же это будет? — шептала она. — Ты, что ли, с чужой старушкой и с чужим старичком будешь счастливей, чем со мной?

И в отчаянии прижимала его к груди, словно его уже отрывали от нее.

Таня сидела с шофером в кабине. Огромный сверток с детским приданым лежал у нее на коленях. Под суровыми, даже гневными усиками Танины губы складывались в веселую усмешку.

Грузовик деловито бежал через степь, окаченную зноем. Сквозь зной величаво смотрели древние горы, как бежит куда-то небольшой грузовик по человеческим вечным делам.

Бежал он мимо гор, а потом мимо домика на окраине, около которого рос сад, и в саду полковник с женой возились под яблонями. Мимо, мимо бежал грузовик, и огромный сверток подпрыгивал на Таниных коленях.

Сын поел и засыпал в материнских руках.

Засыпая, он высвободил из пеленок свой кулачок и приложил к щеке, будто пригорюнясь. И при виде этого девочка зарыдала еще пуще и укрепилась духом, все до конца ей прояснилось в ее судьбе.

— ...Даже если б пришлось нам с тобой уволиться, — пламенно шептала она в крохотный, безмятежно спящий кулачок, — ну и что, другой работы не найдем, что ли? Хоть бы даже уехать пришлось — ну и что? Сядем в поезд, ту-ту, и уедем. И что угодно пускай говорят, у кого совести нет.

— Сейчас полковник с женой придут, — сказала санитарка. — Повидать тебя хотели. Ты подойди к окошку, побеседуй с ними.

Девочка не слушала, она разговаривала с сыном:

— И не надо больше врать — ой, как хорошо! Не надо мучиться, скрывать... А у полковника с женой мы попросим прощенья. Простите, что зря вас побеспокоили... И мы скажем людям нашу настоящую фамилию. Чтобы под правильной фамилией мы тут фигурировали, вот. Наде паспорт привезем, скажем — не понадобился, вот.

Санитарка хотела взять ребенка, чтобы унести. Девочка взглянула...

— Да ты что, боишься? — спросила санитарка.

— Ничего я не боюсь, — спокойно и степенно сказала девочка и отдала ей ребенка.

Оставшись одна, она застегнула халат, посмотрелась в зеркальце и пошла в коридор к открытому окну, откуда виден был просторный больничный двор, — повидаться с полковником и его женой.

Но не полковник с женой стояли во дворе, глядя на окна, а стояла там Таня с огромным, неудобным свертком в руках, смотрела на девочку и улыбалась до ушей.

— Таня! — закричала девочка...

Шло время.

Расцвела девочка, стала красивой молоденькой женщиной, гордой и уверенной в себе.

— Мы не погуляем после ужина? — спрашивали у нее. Она отвечала с усмешкой:

— Не могу, занята.

— А в кино?

— Спасибо, не могу. Меня сын ждет.

— Так возьмем и сына, — приставали к ней, тогда она бросала через плечо:

— Не принято с отдыхающими.

А пока она работала, десять нянек нянчили ее ребенка, все девчата, что были свободны в ту смену.

Катали его в колясочке, и носили на руках, и присаживались с ним на ту скамью под орешинной, где когда-то его отец ждал его мать.

Вечером Таня купала ребенка, укладывала в кроватку и садилась возле него со своим вышиванием. Девочка прибежала, спрашивала:

— Ну как?..

— Все в порядке, — отвечала Таня.

Зевая, она вкалывала иглу в шитье, расчесывала косу и легла спать, а у девочки было еще много разных дел, она принималась стирать — на ребенка и на себя, штопать, шить.

Она разувалась и ходила босая по комнате и кухне, чтобы никого не разбудить, ни сына, ни девчат. Стирая, набрызгает на пол, потом, развесив на веревке свои лифчики и сыновьи ползунки, возьмет тряпку и замочит пол быстро, ловко: так и горела всякая работа в ее руках.

Потом и она легла, поцеловав спящего сына и улыбнувшись ему, и засыпала мгновенно.

А когда девочка была выходная, она сама гуляла с сыном. Он стал еще милей и забавней, и она смеялась звонким, счастливым смехом, радуясь, что ее сын так хорош.

Приехали в санаторий актеры на двух военных машинах — пестрая, запыленная, шумная компания.

Ушли они в клуб, встреченные персоналом.

— Помогите, — сказал затейник, — помогите, товарищи, не справляемся с запросами, растут у людей потребности в культурном развлечении.

А шоферы, солдаты в форме пограничников — один постарше, другой помоложе, — пошли в парк полюбоваться его красотами, размяться после дороги.

В парке никого не было, потому что все ушли на концерт, — сидели в клубе, перед эстрадой, на которой выступали актеры.

Солдаты-шоферы гуляли вольно, кормили крошками рыбок в бассейне и нюхали цветы.

И вдруг увидели девочку, которая, повязав голову от солнца платком, полола грядку.

Солдаты пошли медленней и остановились.

— Здравствуйте, — сказал, постояв, солдат постарше.

— Здравствуйте, — сказала девочка, продолжая свое занятие.

— Разрешите вам помочь.

— Не требуется, — ответила девочка.

— Ну как же это, — сказал солдат постарше, — у нас совесть не спокойна, что мы стоим без дела, а вы работаете.

— А вы ее успокойте, — сказала девочка, с силой орудуя цапкой.

Солдат еще что-то хотел сказать, как вдруг у самого его локтя заплакал ребенок — солдат даже вздрогнул... Это девочкин сын заплакал в колясочке, стоящей за кустами, он спал, а его, должно быть, комар укусил или мошка, он и заплакал.

Девочка бросила цапку, отогнала мошку, сказала «ш-ш-ш» и натянула на колясочку полог из марли. А солдат постарше взял тем временем цапку и стал полоть еще ловчей, чем полола девочка.

— Вы только розы не повредите, — сказала девочка, примирившись с его помощью.

— Как можно, — сказал солдат. — Розам никакого вреда не будет.

Младший солдат молчал и смотрел на девочку с грустным восхищением.

Потом девочка шла домой, катя перед собой колясочку, а по бокам шли солдаты.

— Вы по садоводству работаете? — спросил солдат постарше.

— Нет, — ответила девочка, — не по садоводству. Это я так, прирабатываю немножко. Деньги нужны.

— Ну ясно, нужны! — сказал солдат. — Кому они не нужны?

Пришли к дому. У крыльца девочка взяла ребенка на руки.

— Разрешите помочь, — сказал солдат постарше.

— Ну что ж, помогите, — разрешила девочка.

— Бери, Саша, коляску, — скомандовал солдат постарше, — а мне позвольте ребеночка.

— Его я сама отнесу, — сказала девочка.

— Не бойтесь, давайте смело, справимся! — сказал солдат.

Он умело и бережно взял малыша на руки, внес вслед за девочкой.

— Мальчик? — спросил он.

— Мальчик.

— Лучшего и желать нельзя! — сказал солдат.

В комнате Саша поставил коляску, а солдат постарше сам уложил в нее ребенка.

— Это вам от санатория такая комната? — спросил он.

— Да, — сказала девочка. — От санатория.

— И супруг ваш здесь же работает? — спросил солдат, глядя на Танину кровать.

— Да, — ответила девочка, — здесь же. Только сейчас он в командировке. В длительной командировке.

— Вот как, — сказал солдат.

Он стоял со своим товарищем у порога и ждал, не пригласит ли их девочка присесть, посидеть. Но она не пригласила, и он сказал:

— Ну, не смеем вас больше беспокоить, всего вам хорошего, будьте здоровы.

— До свиданья, — сказала девочка, и глаза ее тоже стали грустными.

И младший солдат сказал робко:

— До свиданья.

— Супругу вашему привет, когда вернется, — сказал солдат постарше.

— Спасибо вам! — сказала девочка.

И солдаты ушли, а она из окна посмотрела им вслед, как они удалялись в парк, полные неторопливости и чувства собственного достоинства.

Шло время.

Ребенок уже умел ходить.

Однажды девочка сидела с Катей в саду, а он играл около них. Они шили и, заговорясь, не заметили, как он отошел от них и направился к морю.

Высоко стояло солнце, и море пылало слепящим серебряным огнем.

Малышу было трудно идти по песку, он падал, но, поднявшись, снова упорно шел туда, где пылало и шумело море.

Он шел, и оно шло ему навстречу.

Он остановился, жмурясь от блеска. Легкий ветер раздувал его волосы и рубашечку, и длинные медленные волны подкатывали к его ногам. И он стоял и смотрел на это все.

...Две тонкие нежные руки протянулись к нему, осторожно подняли. Набежало и легло на песок огромное вечное море.

1960

Комментарий

Впервые — Искусство кино. 1962, № 7, с подзаголовком «кинорассказ»; Трое мальчишек у ворот и другие рассказы и повести. Л., 1964.

Написан на основе короткого рассказа Пановой под тем же названием и с той же фабулой, изложенной, однако, без многих конкретных подробностей, включенных в сценарий. По кинорассказу Пановой режиссер Ю. Файт поставил полнометражный художественный фильм «Мальчик и девочка» (Ленфильм, 1966).